

Котабо

Шепот каштанов

Котабо Котабо
Шепот каштанов

https://litres.ru/73974201
SelfPub; 2026

Аннотация

В детстве у Кристы был сиамский кот. Он встречал её после школы, шептал на ухо грудным, неровным голосом — и плакал человеческими слезами. А потом исчез.

Прошли годы. Криста работает в типографии и старается не вспоминать чудеса. Но мир не забыл. Ньюфаундленд обнимает её на пустыре. Персиковый кот, не любивший никого, идёт на руки. Цыганки кланяются: «Ты наша».

Оказывается, Криста — хранительница древнего Договора между людьми и зверями. Она слышит последние вздохи животных и понимает их язык. Но Договор сломан, и на него охотятся те, кто хочет превратить зверей в рабов. Вместе с вернувшимся котом — который теперь не совсем кот — и цыганским табором Кристе предстоит найти имя первой собаки и замкнуть сломанный круг.

Для тех, кто верит, что животные помнят больше, чем мы думаем. И для тех, кто когда-то сидел на школьной аллее в обнимку с котом и слушал, как шумят каштаны

Содержание

Пролог. Кот, который умел плакать 4
Глава первая. Та, кого не обманешь рычанием 7
Глава вторая. Персиковый кот, который не любил людей 11
Глава третья. Цыганский поклон и человек без лица 15
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Котабо
Шепот каштанов

Пролог. Кот, который умел плакать

Каштаны помнят всё.

Они помнят, как маленькая девочка в синем платье бежала по аллее, а портфель колотил её по спине в такт шагам. Они помнят, как в тот же миг с верхней ветки самого старого дерева, прямо над лавочкой с отломанной спинкой, бесшумно спускался кот цвета слоновой кости с молочно-шоколадными отметинами.

Он никогда не падал. Только спрыгивал — мягко, как будто земля сама шла ему навстречу.

А потом взлетал.

По форме. По рукаву. По воротнику. И вот уже его горячий бок прижимался к шее девочки, а ухо наполнялось звуком, которого не было ни у кого на свете.

Ни мурлыканье. Ни мяуканье. И даже не плач.

Это был **шепот с грудным остинато** — как если бы кто-то внутри кота перебирал струны, а другой голос, выше, спрашивал: *«Ты где была? Я насчитал триста двадцать*

вдохов с того момента, как ты вышла из школы. Двести двадцать из них — лишние».

Но слов не было. Были только интонации.

Девочка привыкла. Она шла домой, а кот говорил. Говорил о том, что воробей на третьей ветке сегодня чихнул, и это значит — к перемене погоды; что мама обиделась на что-то и не дала ему сметаны; что сестра снова рылась в её тетрадках, но он, кот, пришёл и лёг прямо на них.

«Хватит, — иногда останавливалась Криста. — Я хочу переодеться».

Кот не замолкал. Он только повышал тон — так, как человек повышает голос, когда его не слушают. И продолжал:

«Нет, ты не переоденешься, пока я не скажу главное. А главное я ещё не сказал. Главное — ты не смотри на часы. Главное — там, в конце аллеи, за третьим поворотом, кто-то идёт. Он тебя ещё не видит, но ты его запомнишь. Через много лет».

Криста тогда не поняла. А кот заплакал — правда, слезами. Сначала одна капля упала ей на ключицу, потом вторая. И только тогда он замолчал.

Потому что кошачьи слёзы — это не грусть. Это **память**, которую нельзя сказать словами.

Каштаны шумели сверху. А они шли домой.

Прошло двадцать лет. Каштаны всё те же. А вот кота нет.

Но по ночам Кристе иногда кажется, что кто-то ды-

шит ей в ухо — грудным, неровным шепотом. И тогда она просыпается и идёт к окну.

На аллее под фонарём стоит человек в длинном чёрном пальто. Он не шевелится. И пахнет от него не зимой, а… цыганским костром и старой собачьей шерстью.

— Ты? — шепчет Криста.

Человек в пальто поднимает голову. У него зелёные глаза. Совсем как у неё.

И тогда каштаны начинают шуметь громче.

Глава первая. Та, кого не обманешь рычанием

Криста не искала эту дверь.

Она вообще перестала искать что-либо после того, как кот ушёл. «Ушёл» — не то слово. Кот исчез так же бесшумно, как и появлялся: однажды утром подушка рядом с её головой была ещё тёплой, а к вечеру — уже холодной. Мама сказала: «Наверное, его сбила машина». Криста не поверила. Кот умел плакать. Тот, кто умеет плакать человеческими слезами, не умирает под колёсами. Он просто уходит туда, где его голос нужнее.

После этого прошло много лет.

Криста работала в маленькой частной типографии на окраине города — подбирала шрифты для приглашений и поминальных открыток. Работа тихая, почти монашеская. Ей нравилось, что буквы молчат. Гораздо легче, чем слушать людей. Люди всегда говорят слишком много или слишком мало, а кошки — никогда не ошибаются.

В тот день она возвращалась с обеда. Срезала через дворы, мимо гаражей и тощей зелёной лужайки, где местные алкаши оставили полтора раздавленных пластиковых стаканчика. На скамейке, уткнувшись носом в лапы, лежал огромный ньюфаундленд. Чёрный, лохматый, размером с небольшого медвежонка. Рядом никого.

Криста замедлила шаг, но не остановилась. Она знала: к большим чужим собакам лучше не подходить. Особенно если они лежат, а вокруг ни хозяина, ни поводка.

Пёс поднял голову.

Криста увидела его глаза — тёмные, влажные, с той глубиной, которая бывает только у очень старых или очень умных существ. Он не зарычал. Не встал. Только выдохнул — тяжело, как паровоз на малом ходу.

И тогда Криста услышала.

Не слова. Что-то другое. Ниже слов. **Интонацию**. Такую же, как у сиамского кота двадцать лет назад — грудную, неровную, идущую из самой середины груди, где кончается тело и начинается душа.

«Иди сюда. Я ждал. Не бойся».

Она не испугалась. Она подошла и села на корточки напротив. Пёс тяжело, по-стариковски поднялся, обошёл её. А потом обнял. Обнял её ноги. Не так, как делают маленькие нахальные болонки, которые в экстазе трутся о человеческие колени. А так, как обнимает тот, кто знает, что слова бесполезны.

Он положил лапу ей на плечо. Тяжёлую, мозолистую, пахнущую землёй и прелой листвой. И замер.

Люди вокруг — женщина с коляской, парень в кепке, две старухи у подъезда — остановились. Собаки, которые обнимают чужих прохожих, — это не вписывается в обычный распорядок двора.

— Яша! — раздался крик из-за угла. Из подворотни выскочила запыхавшаяся женщина в цветастой куртке. — Яша, фу! Простите, он у меня никогда… он вообще незнакомых… он может зарычать…

— Не зарычал, — тихо сказала Криста.

Пёс убрал лапу, но не отошёл. Он посмотрел на хозяйку, потом снова на Кристу — и вдруг лизнул её в щёку. Длинным, шершавым, очень серьёзным языком.

Хозяйка открыла рот и забыла его закрыть.

— Яша… ты что… три года никого к себе не подпускал, даже ветеринара…

— Он меня узнал, — Криста улыбнулась и сама не поняла, зачем сказала эту странную фразу.

Потом встала, отряхнула колени и пошла дальше. Не оглядываясь. Но слышала, как Яша вздохнул — длинно и облегчённо. Как будто передал что-то, что носил в себе очень долго.

На углу, у светофора, стояла девчонка-цыганка с младенцем на руках. Обычно Криста проходила мимо — не из брезгливости, а из уважения к чужой игре. Но сегодня девчонка шагнула в сторону, освобождая дорогу, и прошептала:

— Здравствуй, красивая. Ты иди, иди. Мы тебя не трогаем.

Криста кивнула и пошла. За её спиной каштан (откуда он взялся в этом дворе?) бросил под ноги первый жёлтый лист. Хотя на календаре был только август.

А вечером, разбирая шрифты для поминальной открытки некоему «Александру Петровичу, которого очень жаль», Криста вдруг написала на полях газеты одно слово. Крупно, коряво, печатными буквами:

«КОТ»

И через минуту зачеркнула.

Но осадок остался. Такой же тёплый и грудной, как шепот на ухо много лет назад.

Глава вторая. Персиковый кот, который не любил людей

Криста не хотела идти в гости.

Но друг сказал: «Пойдём, там хорошие люди, мы ненадолго». А что такое «ненадолго» в компании, где все пьют чай из треснувших кружек и по очереди ходят смотреть, как сохнет акварель на кухонном окне, — Криста знала. Минимум три часа. С разговором о политике и обязательным спором, есть ли душа у старых вещей.

Квартира пахла ванилью и кошачьим кормом. В прихожей было тесно: зонты, обувь, тёмный коридор, в конце которого кто-то выключил свет и забыл включить. Хозяйка — полноватая женщина с усталыми глазами — сунула Кристе тапки на два размера меньше и скрылась на кухне загреметь чайником.

И тут Криста почувствовала взгляд.

Он был тяжёлым, почти осязаемым. И шёл из глубины коридора, из-за угла, где на продавленном кресле, свернувшись калачиком, лежал персиковый кот. Самый надменный комок шерсти, которого Криста когда-либо видела. Он не мяукнул, не прижал уши. Он просто смотрел. Так смотрят судьи на последнем круге, когда боксёр уже не держится на ногах.

— О, а это Боря, — сказал друг, выглядывая из-за плеча. — Ты с ним осторожнее. Он вообще никого не любит. Про-

шлого гостя царапнул, пока тот шапку надевал.

— Боря, значит, — прошептала Криста.

Она не сделала ни шага вперёд. Не протянула руку. Не присела. Только чуть наклонила голову — так, как когда-то наклоняла к уху сиамского кота, чтобы ничего не пропустить.

Кот моргнул. Один раз. Медленно, как кошки умеют — будто захлопнула дверь в другую комнату.

Потом встал. Потянулся (задние лапы дрожали от старости или от важности момента). Спрыгнул с кресла. И пошёл.

Прямо на Кристу.

— Боря! — предостерегающе крикнула из кухни хозяйка. — Не смей! Фу!

Кот не обратил внимания. Он дошёл до Кристиных щиколоток, обнюхал край её джинсов, постоял секунду в раздумьях — и полез на руки.

Сначала одной лапой, когтями в ткань. Потом второй. Потом подтянулся, шумно выдохнул — и оказался у неё на груди. Тяжёлый, тёплый, пахнущий сушёной мятой и старой бумагой.

И начал обнимать.

Кот обнимал её за шею. Серьёзно, по-человечески: положил голову на плечо, прижался носом к яремной ямке и замер. Не мурлыкал. Не мяукал. Просто дышал. Долго и ровно.

В прихожей стало тихо.

Хозяйка вышла с чайником в руках и замерла на пороге.

Друг открыл рот, чтобы пошутить, но передумал. Даже тапки перестали скрипеть.

— Я не… — начала Криста. — Я ничего не делала.

— Боря, — севшим голосом сказала хозяйка. — Боренька. Ты чего? Ты же… ты никого…

Кот поднял голову. Посмотрел на хозяйку. И коротко, почти по-собачьи, лизнул Кристу в подбородок.

Потом спрыгнул. Сел у её ног. Поднял хвост трубой — и медленно, торжественно, как генерал на параде, пошёл обратно в своё кресло. На полпути обернулся. Моргнул Кристе. Мол, всё правильно. Я сделал, что должен.

— Он тебя… выбрал? — неуверенно спросила хозяйка.

— Наверное, он просто устал никого не любить, — ответила Криста.

И покраснела, потому что прозвучало глупо. Но больше никто не счёл эту фразу глупой.

Чай пили молча. Кот спал в кресле, и даже во сне его лапа время от времени сжималась и разжималась — как будто он всё ещё кого-то обнимал.

А когда Криста уходила, хозяйка вдруг догнала её в прихожей и прошептала:

— Вы знаете… Борю принесли к нам щенком. Да, я сказала «щенком». Его мать была собакой. Дворняжка родила в подвале, и один из щенков… ну, вы понимаете. Он не кот и не пёс. Он — просто Боря. И он никогда, за десять лет, ни к кому не пошёл на руки.

Криста кивнула. За дверью начинал накрапывать дождь — первый осенний, липкий, похожий на слезы.

— Может, он ждал того, кто знает, каково это — быть не тем, кем тебя видят, — сказала Криста.

Хозяйка перекрестила её. Не суеверно, а как-то по-домашнему — будто дочь провожала.

Каштанов в этом дворе не было. Но когда Криста вышла на улицу, ветер донёс запах прелых листьев и костра. А из подворотни, как по команде, вывернула стайка цыганят — впереди девочка лет двенадцати с серьгой в носу. Она остановилась, посмотрела на Кристу и вдруг шмыгнула носом, будто пробуя воздух.

— Тёть, — сказала она. — А тёть. Ты чья будешь?

— Криста, — ответила та. И сама удивилась своей простоте.

— А, — девочка кивнула, как будто всё поняла. — Ну, бывай, Криста. Иди, не бойся. Тут недалеко каштаны растут, у старой школы. Там тебя ждут.

И убежала, серебряными браслетами звеня.

Криста постояла, глядя ей вслед. Дождь усиливался. А в ухе, совсем тихо, прошелестело — не то ветер, не то память, не то тот, кто больше никогда не мяукнет:

«Ну вот видишь, Криста. Мир не забыл. А ты думала».

Глава третья. Цыганский поклон и человек без лица

Криста любила этот парк за старые липы. Они росли здесь ещё до войны — так говорила бабушка, которая гуляла тут с коляской, потом с внучкой, а теперь лежала на кладбище за рекой. Липы помнили всё. И молчали. За это Криста их и уважала.

В тот день она пришла с новым знакомым — Игорем. Хороший парень, немного нервный, всегда оглядывался по сторонам, будто ждал подвоха. Он работал в каком-то офисе, носил дорогие часы и всё время предлагал «купить что-нибудь вкусное». Криста согласилась на прогулку только потому, что солнце наконец выглянуло после недели дождей.

Они сидели на скамейке у фонтана. Игорь рассказывал о своих проблемах с начальником, а Криста думала о том, как странно устроен мир: пять дней назад персиковый кот обнимал её в чужой прихожей, а теперь она слушает о KPI и дедлайнах.

— …и вот он мне говорит: «Вы не командный игрок». А я, Криста, я же душу в проект вкладываю! — Игорь размахивал руками. — Ты только представь…

— Представляю, — мягко сказала Криста.

И в этот момент на аллее появились цыганки.

Их было трое: пожилая в длинной юбке, молодая с ребён-

ком на бедре и совсем девчонка лет пятнадцати, с ярким платком на голове. Они шли медленно, не приставая к прохожим — просто шли. Погода располагала к прогулкам даже их.

Игорь напрягся. Криста это заметила по тому, как он вдруг выпрямил спину и начал шарить взглядом по карманам.

— Не люблю я их, — шепнул он. — Всё равно подойдут: «позолоти ручку». У тебя есть мелочь? Дай им, и отстанут.

— Они не подходят, — спокойно заметила Криста. — Иди, смотрят на птиц.

Действительно, цыганки остановились метрах в пятнадцати. Пожилая что-то тихо сказала молодым, и те замерли. Потом все трое посмотрели на Кристу.

Не так, как обычно смотрят на прохожих — мельком, оценивая кошелёк или часы. А так, как смотрят на родственницу, которую не видели много лет и боятся спугнуть.

— Иди ты, — буркнул Игорь. — Пойдём отсюда, а?

— Подожди, — Криста сама не знала, зачем это сказала.

Пожилая цыганка отделилась от своих. Пошла к скамейке. Не спеша, но и не крадучись. Подошла вплотную, остановилась напротив Кристы. Потом — сделала то, что Игорь запомнил на всю жизнь.

Она поклонилась.

Не так, как кланяются нищие — униженно и вкрадчиво. А так, как кланяются старшей — с достоинством, чуть на-

клонив голову, положив правую руку на сердце.

— Здравствуй, красивая, — сказала она. Голос низкий, чуть прокуренный, но тёплый. — Долго же ты к нам не заходила.

Криста растерялась:

— Я… мы не знакомы.

— А это неважно, — цыганка усмехнулась в усы (у неё были едва заметные усики над верхней губой, как у старой кошки). — Важно, что у тебя глаза как у нас. И душа — не здешняя. Ты откуда родом, красивая?

— Из этого города, — Криста пожала плечами.

— Город — это не род. Род — это кровь. А у тебя кровь помнит костры. — Цыганка вдруг шагнула ближе и почти неслышно добавила: — Кот у тебя был. Сиамский. Мы знаем.

Криста почувствовала, как холодок пробежал по затылку.

— Откуда вы…?

— Каштаны сказали, — просто ответила старуха. И, не дожидаясь ответной реплики, кивнула в сторону уходящей аллеи: — Там, за третьим поворотом, тебя ждут. Не бойся. Придёт время — сама поймёшь, кому верить. А пока держи.

Она вынула из кармана юбки маленький замусоленный свёрток. Развернула — внутри оказался высушенный каштан, старый, почти чёрный, с одной блестящей гранью, как будто его полировали пальцами много лет.

— Это от Бахтуло. Так нашего деда звали. Он тоже слы-

шал. И плакал, как твой кот.

Криста взяла каштан. Гладкий, тёплый — будто только что из кармана достали, хотя на вид ему было лет сто.

— Спасибо, — только и смогла вымолвить она.

Цыганка снова поклонилась, повернулась и ушла. Молодые подхватили её под руки, и через минуту все три цветастые юбки растворились в зелени парка.

Игорь сидел белый как мел.

— Криста, — сказал он срывающимся голосом. — Что это было?

— Не знаю, — честно ответила Криста. И сжала каштан в кулаке.

Они ушли из парка раньше, чем планировали. Игорь бормотал что-то про «цыганский гипноз» и «надо было полицию вызвать». Криста молчала. Она думала о трёх вещах: о том, что каштан до сих пор не остыл; о том, откуда чужие люди знают про её кота; и о том, кто ждёт её за третьим поворотом.

Сейчас она шла домой одна. Игорь сослался на срочную работу и укатил на такси. Криста не обиделась — она даже обрадовалась. Хотелось побыть одной. Потрогать каштан. Послушать, о чём говорят листья над головой.

Она свернула за угол — и остановилась.

Аллея каштанов. Та самая. Возле её старой школы.

Деревья почти не изменились: разве что стали выше, а скамейка с отломанной спинкой давно исчезла. Но воздух был тот же — сладковатый, с горчинкой прелых листьев, да-

же в августе. Криста села на корточки у ствола самого старого каштана. Того, с которого когда-то прыгал вниз дымчатый силуэт.

— Здравствуй, — сказала она дереву. — Я вернулась.

Никто не ответил.

Тогда Криста закрыла глаза. И вдруг поняла, что слышит не только ветер и шум машин где-то за домами. Она слышала ещё кое-что. Очень тихо. Словно сквозь вату.

«Она пришла. Наконец. Передай ему, что каштан у неё. Он придёт сегодня ночью. Скажи — помнишь?»

Криста резко открыла глаза. Никого. Только каштаны и вечерняя тень, которая длиннее, чем должна быть.

А потом она увидела его.

В конце аллеи, под фонарём, который ещё не зажёгся, стоял человек в длинном чёрном пальто. Он был далеко, Криста не различала лица — только фигуру. Высокую, прямую, неестественно неподвижную. Человек не шевелился. Но она знала: он смотрит на неё.

Смотрит так же, как смотрел тот самый кот — грудным, неровным взглядом, который невозможно забыть.

Криста встала. Сделала шаг вперёд. Человек не двинулся с места. Второй шаг — и вдруг фонарь вспыхнул резким белым светом, на секунду ослепив. Криста зажмурилась. А когда открыла глаза — аллея была пуста.

Никого.

Только каштан в её кулаке пульсировал теплом — раз,

другой, третий. И затих.

Она постояла ещё минуту. Потом развернулась и пошла домой. Не оглядываясь. Но чувствуя спиной, что за ней наблюдают. Деревья. Небо. Тот, кто спрятался в свете фонаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.